

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Маргариты Ивановны Крюковой
«Экфрастический тезаурус в прозе А.С. Грина»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Самая известная повесть Грина – это, вне всякого сомнения, «Алые паруса». Ее название является характерным примером «стертого», по А.А. Потебне, словосочетания, которое в наше время напрочь утратило сообщенную ему автором художественную и смысловую силу. Тиражирование гриновских образов в основном среди массового читателя, тянувшегося к детски-наивной романтике, неведомо как оказавшейся в суровых рядах советской словесности¹, создало писателю репутацию изготовителя изящных литературных десертов для аскетически трудового стола соцреализма. Разумеется, теоретической фокусировке на произведениях замечательного прозаика подобный историко-функциональный казус, случившийся с рецепцией его сочинений, никак не способствовал. Поэтому современный исследователь вынужден напоминать, что «алые паруса» – это визуальный образ, отсылающий к экфрастическому по своей природе артефакту корабля-игрушки, метонимии профессии и всей морской жизни отца главной героини. Игрушка *визуально и предметно* изображает судьбу героя, а цвет детского кораблика выносится в заголовок, замыкая треугольник *вещи, цвета и текста* в характерную для эпохи литературных экспериментов эстетическую раму (ср. стр. 124 диссертации). При этом вложенное в уста повествователя определение чтения как беседы с «властвующим из гроба *мертвым*» задает всей художественной конструкции ощутимое онтологическое напряжение: читатель обязан потрудиться и определить, что здесь истинная жизнь, а что – нет.

Теоретическая значимость диссертации М.И. Крюковой состоит в подключении наследия Грина к контексту художественных новаций рубежа XIX-XX вв., дальним отголоском которых стала в совершенно иную эпоху проза одного из последних романтиков русской литературы. В свою очередь, ключевым исследовательским приемом, позволяющим соискателю решить эту сверхзадачу, выступает последовательно реализованное на протяжении всей работы стремление сопоставлять Грина с его дальними и ближними «соседями» по литературному процессу – от немецких романтиков (прежде всего Гофмана) до едва ли не всех основных игроков русского литературного поля первой половины XX столетия – от Брюсова через акмеистов к Набокову. В теоретическом отношении эта «тотальная компаративистика» (позволю

---

¹ Близкий Грину по духу Куприн жил в эмиграции.

себе здесь перифразировать известную формулу А.П. Чудакова «тотальный комментарий») позволяет проследить на отобранном частном примере судьбу старого романтизма, в эстетическом шлейфе которого находились модернисты.

Актуальность своего труда диссертант совершенно справедливо видит в интересе к проблематике визуального, который (несмотря на взрыв исследований 10-15 лет назад) продолжает поддерживаться наукой на весьма высоком уровне (стр. 18). Тема очевидно не «охлаждается». Однако мне хотелось бы отметить еще один аспект, актуализирующий избранные диссертантом материал и аналитическую стратегию. В работе всякий раз предлагается пронаблюдать конструктивные связи между, с одной стороны, «обычным», наиболее частотным экфразисом в виде описываемой картины и, с другой – родственными ему, однако в сильной степени специфическими образами игрушки, куклы, скульптуры, игральных карт, зеркала. Тем самым молодой исследователь актуализирует экфразис как системное явление межсемиотического контакта, а не просто (что сделать было бы легче всего) освещает пристрастие Грина к «живописательной» поэтике. Предложенный аналитический ракурс определил и композицию труда, организованную синхронистически (по «категориям», а не по «периодам творчества»): М.И. Крюкова последовательно анализирует проблемы экфразиса во взаимодействии с сюжетом и хронотопом (гл. 1), а затем во второй главе предлагает опыт типологии «предметно-визуального» у Грина – опираясь на уже известную нам таксономию картин, карт, статуй, кукол и т.д. В итоге читатель получает вполне законченное (хотя, разумеется, не исчерпывающее) теоретическое представление о Грине-экспериментаторе, полностью разделявшем логику художественных изобретений начала века. Любопытным рецептивным штрихом, дополняющим эту картину, становится упоминание об одном гриновском сюжете, который на излете советской эпохи был положен в основу киносценария авангардной киноленты «Господин оформитель» (1988) – см. стр. 180.

К числу несомненных достоинств рецензируемой диссертации необходимо отнести мощную источниковедческую базу, оперируя которой автор сообщает своим наблюдениям и итоговым выводам требуемые верифицируемость и надежность. Рассмотрение экфразисов Грина ведется с привлечением всего массива его текстов, значительного количества произведений его старших и младших современников, а весьма системно составленная библиография включает в себя иллюстративную подборку отечественных и зарубежных работ по проблемам экфразиса и визуального в целом.

Основным концептуальным положением диссертации, неоднократно повторенным в частных аналитических экскурсах, является *динамизм* «литературных картин», на котором Грин как правило делает акцент. Источником вдохновения для диссертанта здесь несомненно послужили классическая статья Р. Якобсона об ожившей статуе у Пушкина, а также прорывная

для своего времени нарратологическая работа Ю.В. Шатина (2004) о соотношении экфразиса и диегезиса. Эта сосредоточенность на неслучайных работах (при учете множества остальных) – несомненный плюс диссертации, выгодно отличающий ее от массы современных научных трудов, авторы которых стремятся «забыть» теоретические части своих исследований как можно большим, бессистемным числом имен (стратегия, получившая название *name dropping*), лишь бы сообщить своим опусам внешние признаки академизма – благо современная доступность любых информационных ресурсов позволяет это делать беспрепятственно.

Объяснительные возможности главного тезиса, сформулированные сразу в положениях, вынесенных на защиту (см. стр. 20), в дальнейшем многообразно подтверждены. И здесь рецензент обязан сказать о новизне и в целом научной значительности полученных М.И. Крюковой результатов. Как вытекает из всей логики предпринятого анализа, Грин остро (хотя, быть может, и бессознательно) переживал кризис текста и вообще вербальной коммуникации, пришедшийся на рубеж XIX-XX вв. и впоследствии послуживший благодарным материалом для новейших штудий в области исторической поэтики (С.Н. Бройтман, В.И. Тюпа) и лингвокультурологии (А.Д. Степанов). В сущности, этот кризис подхлестнул авторское стремление видоизменять нарративный текст по направлениям к метатексту и интермедальности, когда «рассказанное» теряло ранее по умолчанию адресовавшееся ему доверие, а значит, вместе с этой утратой – онтологическую «живость» и жизнь. Любопытен в этой связи намеченный в тех же «Алых парусах» конфликт между сплетней о героине (с фактической точки зрения в общем – верной, хоть и злой) и внешне совершенно неправдоподобной историей алых парусов, причем в фабуле реализуется именно эта последняя, а первая дезавуируется.

М.И. Крюкова помещает исследуемого ею писателя в данный, существенно важный, философско-исторический фокус. Изображение у Грина «оживает», подчеркивая недостаточность словесно-коммуникативного ресурса. Любопытным здесь видится потенциальное сопоставление с опытом Достоевского-автора романа «Идиот», где описываемое изображение Христа на картине Гольбейна-мл. служит поводом для резкого заострения догматической идеи об оживлении / не-оживлении Богочеловека. Имплицированная в экфразисе идея границы между живым и мертвым отчетливо осознается соискателем (см., например, стр. 32-34 и сл.). Тем не менее еще выигрышней раскрытие этой темы смотрелось бы при условии большего внимания автора работы к глагольным формам в экфрастических описаниях. Ср.: «В трех шагах от путешественника, спиной к нему, на тропинке, бегущей в холмы, стояла женщина с маленькими босыми ногами...» – это пример со стр. 35, и говорится в нём вовсе не о женщине, а всего лишь о ее изображении на картине. Значит, все эти настоящие времена глаголов выступают грамматическим сигналом «ожившей», исподволь сюжетизированной картины.

Выше я уже указал на компаративистскую установку диссертанта как на сильную сторону его работы. Иногда, впрочем, в число привлекаемых для усиления контекста имен попадают и такие, связь Грина с которыми неочевидна и начинает вызывать вопросы – а так ли уж нужны они в границах темы? Уверен, что М.И. Крюкова легко отреагирует на эту ремарку и дополнительно прояснит важность для нее таких фигур как Е. Нагродская, М. Арцыбашев и ряд иных (см. стр. 45 и сл.).

Не вызывает никаких возражений относящееся к экфразистическому хронотопу наблюдение о значимости перемещений героев из реальности фабулы в квази-пространства картин. Соискатель сознает гоголевский, а также балладный подтекст этих ситуаций и потому надежно локализует Грина в русле литературной традиции.

Вторая глава, как мы помним, целиком строится на связанных с экфразисом фантазмах типа оживших статуй, кукол, манекенов и др., отсылающих, с одной стороны, к гротескной поэтике романтизма (плюс, весьма вероятно, к Салтыкову-Щедрину), а с другой – иллюстрирующих всестороннее вовлечение Грина в современную ему поэтику интермедиального. И в этом отношении крайне интересны и перспективны начатые М.И. Крюковой размышления о поэтиках зеркальности и кинематографичности – существенных чертах творческой манеры художника.

Завершая этот отзыв, скажу несколько слов в жанре пожеланий и рекомендаций. Мне кажется, что теоретическая сосредоточенность всего этого диссертационного труда (похвальная сама по себе) несколько ретушировал все же важный исторический аспект. Насколько явственна *эволюция* экфразиса у Грина? Эта поэтика снижает или повышает степень своего присутствия у прозаика с годами? Не исключаю, что для ответа на этот вопрос придется написать отдельное исследование – и если эта тема сохранит свою притягательность для автора, то остается только пожелать ему успеха на этом пути. Увы, текст работы оказался несвободен от мелких тактических и языковых просчетов. Так, для рецензента было удивительным, что М.И. Крюкова никак не отреагировала на пародийность строк из рассказа «Шедевр», в которых игриво перепевается широко известная «Хабанера» И. Северянина «Вонзите штопор в упругость пробки / И взоры женщин не будут робки!..». У Грина после первого стиха, оставленного без изменений, следует: «Пуль Ван-Дейку! Где взять полкнопки?» (стр. 52). На стр. 154 читаем неверно выстроенный оборот: «Сюжетообразующую функцию играют статуи в рассказах Грина “Редкий фотографический аппарат” и “Белый огонь”». Если «играют», то очевидно – «роль», а не «функцию».

В остальном же представленная М.И. Крюковой диссертация не вызывает нареканий. Научному сообществу предложена самостоятельно выполненная концептуальная научно-квалификационная работа, в которой содержится решение задачи, связанной с выявлением

эстетических границ *литературного, живописного и вещного* – ключевых факторов трансформации словесной культуры в первой половине XX в., с конкретизацией места А.С. Грина в истории этих художественных преобразований, с изучением визуальной и интермедиальной поэтики произведений автора, наследие которого традиционно в данной перспективе не рассматривалось. Источниковедческая база работы отличается системностью и репрезентативностью, что, вместе с корректностью примененных аналитических методик, обеспечило надежность сделанных соискателем наблюдений и выводов. Сформулированная и решенная в диссертации задача является приоритетной для развития современного отечественного литературоведения в областях исторической поэтики, художественной эволюции раннесоветской прозы, в междисциплинарном пространстве *вербального и интермедиального*. Диссертация «Экфрастический тезаурус в прозе А.С. Грина» соответствует требованиям, изложенным в действующем «Положении о присуждении ученых степеней», а ее автор, Маргарита Ивановна Крюкова, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

14 января 2019 г.

Анисимов Кирилл Владиславович,
 доктор филологических наук, 10.01.01,
 доцент, зав. кафедрой журналистики и
 литературоведения Института
 филологии и языковой коммуникации
 Федерального государственного
 автономного образовательного
 учреждения высшего образования
 «Сибирский федеральный
 университет», 660041, г. Красноярск,
 проспект Свободный, 79/10, <http://www.sfu-kras.ru>
 (391) 244-86-25, (391) 223-07-27,
kianisimov2009@yandex.ru

